

УДК 81'42

РЕАЛИЗАЦИЯ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ LIEBE (ЛЮБОВЬ)/ HASS (НЕНАВИСТЬ) В СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА

© А.Э.Рахимова

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия бинарных оппозиций Liebe (любовь) и Hass (ненависть) в произведениях современных немецких авторов и их переводах на русский язык. Для исследования выбраны художественные произведения трех немецких писателей – «Чтец» Б.Шлинка, «Собиратель миров» И.Троянова и «Парфюмер» П.Зюскинда. На основе анализа языкового материала, извлеченного из оригинальных источников и их переводов на русский язык, выявляется весь спектр семантических оттенков и коннотаций исследуемых лексических единиц в контекстах. Анализ немецкого языкового материала обогащается сопоставлением с русскими переводами и выводами о различиях в восприятии обеих лексем разными народами – немецким и русским, а также определяются сходство и различие в способах их вербального выражения.

Ключевые слова: лексема, бинарная оппозиция, эмотивная лексика, коннотации, парадигматические отношения.

Еще немецкий ученый В.фон Гумбольдт утверждал, что язык оказывает решающее влияние на мировоззрение и мировосприятие человека, на его образ мышления и эмоциональную сферу. Человек взаимодействует с окружающим его миром посредством языка, который сообщает ему с помощью определенной знаковой системы картину этого мира, что и является в итоге для человека понятной и конкретной действительностью [1: 125-136].

Указывая на взаимосвязь языка и культуры, В.фон Гумбольдт считает, что язык и культура – это формы человеческого сознания, которые отражают мировоззрение и мировосприятие человека. Они сосуществуют в постоянном тесном взаимодействии, носителем культуры и языка является всегда социум, личность, а значит, они не могут существовать вне общества. Как языку, так и культуре присуще противоречие «динамика – статика», язык и культура подчиняются определенным нормам, принятым в данном культурном обществе.

Величайший немецкий лингвист Л.Вейсгербер ввел в научную терминологическую систему понятие языковой картины мира. Согласно Л.Вайсгерберу, язык является посредником между объективным миром и нашим сознанием, являясь своеобразной созидающей силой во всех областях духовной и культурной жизни. Указывая на идиоэтнический характер языка как уникального средства познания мира, которым владеет конкретный культурный и духовный социум, Л. Вайсгербер обосновывает идею о присущей всем носителям данного социума определенной картины мира, которая определяет свое-

образное видение мира и дальнейшее участие членов социума в процессе его познания [2: 117].

Э.Сепир утверждал, что индивидуум пользуется языком лишь для решения определенных задач мышления и коммуникации. Посредством языка происходит постепенный переход потенциальных значений в реальные, что и позволяет человеку приобщаться к более общепринятому пониманию окружающего мира [3: 25-26].

По мнению Г.В.Колшанского, языковая картина мира основывается на социальном и трудовом опыте каждого народа, который находит свое выражение в лексическом и грамматическом многообразии каждого отдельного языка. Таким образом, согласно Г.В.Колшанскому, языковая картина мира есть не что иное, как закрепление в языке всего разнообразия творческой и познавательной деятельности человека [4: 38-46].

В современной языкознании языковая картина неразрывно связана с культурой, поскольку это есть не что иное, как отражение в сознании человека его мировоззрения, а также его культурного, духовного, социального и физического опыта. Языковая картина мира обладает характерными признаками, которые отличаются у разных народов, что обусловлено определенными различиями в верованиях, традициях, образе жизни [5: 23- 25].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что языковая картина мира, отражая реальную действительность средствами языка, вербализует ее, делает полнее, богаче и глубже, передавая из поколения в поколение языковой, национальный и культурный опыт. Это касается, в частности, лексико-семантичес-

ких групп Liebe (любовь) / Hass (ненависть) в языковой картине мира немецкого и русского этносов. Актуальность исследования выбранной нами темы состоит в том, что любовь и ненависть являются одними из ключевых лексем этической направленности, характеризующих внутренний мир человека; анализ данных лексем в немецкой и русской лингвокультурах позволяет выявить как универсальность, так и своеобразие восприятия действительности носителями разных языков. Хотя современные ученые, как западные (Paul Michael Lützeler [6]), так и российские (М.В.Пименова [7], В.Э.Муратова [8], Э.Р.Хутова [9], А.И.Ильдарова [10], М.А.Шарданова [11] и др.), неоднократно обращались к теме любви и ненависти в своих трудах, исследование данной темы на материале современной немецкой литературы проводится впервые, что позволило выделить ряд национально-специфических особенностей.

Объединив определения семы «Liebe», данные в толковых словарях немецкого языка, можно дать простое, проникновенно-языковое толкование слова «Liebe»: чувство сильной привязанности, симпатии, восхищения, физического или духовного влечения, страсти к человеку противоположного пола; уважение или проявление заботы к кому-либо, например, к родителям; любовь к Богу; любезность, обходительность; пристрастия, предпочтения, любимое занятие, чрезвычайный интерес к чему-либо; человек, к которому испытывают чувство любви, любимый, возлюбленный [12: 953].

Толковые словари русского языка дают похожую трактовку семы «любовь», однако следует отметить, что русское слово любовь характеризует более глубокое, более эмоциональное чувство в отличие от немецкой семы «Liebe», которую отличает сдержанность и языковая экономность.

В целом можно дать следующее толкование русского понятия «любовь»: чувство глубокой сердечной привязанности, расположения, симпатии, чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола; половые отношения, интимная связь; материнская любовь; внутреннее стремление, влечение, тяготение к чему-либо; человек, внушающий такое чувство, объект влечения, страсти [13: 836].

В ходе работы над темой исследования было опрошено также 100 респондентов от 24 до 70 лет – представителей как родной, так и иноязычной культуры, которые дали следующую трактовку семы Liebe (любовь): теплое, приятное, доброе чувство, прежде всего к семье (жене, мужу, детям, родителям), Родине, друзьям, причем

приоритетное значение для всех имеет именно любовь к ближнему, родственные отношения, материнские или отцовские чувства, а половые отношения при этом не упоминаются вообще.

В современной немецкой художественной литературе представлены практически все значения и виды любви, описанные в толковых словарях: любовь – влечение или страсть, чувство глубокой привязанности к кому-либо; любовь к ближнему как чувство глубокого расположения и искренней привязанности к кому-либо; любовь – любовь к себе – это любовь к своему собственному «я»; любовь к Богу – религиозная форма любви, предметом которой выступает Бог:

1. Und eines Tages legte sie ein zweifaches Geständnis ab, ein Geständnis ihrer Liebe zu ihm und zugleich ein Geständnis ihrer Todzucht [14: 88]. / И однажды она сделала ему двойное признание, признание в своей любви и своей смертоочивости [15: 70].

2. Und vielleicht ist man sogar für die Liebe zu den Eltern verantwortlich [16: 162]. /А может быть, надо отвечать и за любовь к родителям [17: 52].

3. ..., dass ein Asket von ihrer Liebe zu Gott überwältigt wurde [14: 139]. /..., что аскет был покорен ее любовью к богу [15: 113].

В приведенных выше примерах сема Liebe (любовь) относится к нормативно-литературному, общеупотребительному пласту лексики, который является нейтральным и используется во всех сферах общения и во всех жанрах. Нейтральный стиль лексики предполагает широкую сочетаемость и возможность употребляться, в том числе и в переносно-расширительных смыслах. Что касается стилистической окраски семы Liebe, то мы, вслед за Шаховским В.И. [18: 245-246], относим ее к эмотивной лексике, поскольку эмоции и чувства в слове Liebe являются компонентами семантической структуры слова.

Самыми яркими средствами актуализации выражения чувства любви, его красоты и смысла являются метафорические эпитеты, когда сочетаемость с атрибутивными прилагательными и причастиями позволяет показать всю полноту и сущность любви, передает ее более тонко, образно и ярко:

1. Wie sollte es ein Trost sein, dass mein Leiden an meiner Liebe zu Hanna in gewisser Weise das Schicksal meiner Generation, das deutsche Schicksal war, dem ich mich nur schlechter entziehen konnte [16: 163]. / Ведь не могло стать утешением то, что мои страдания от любви к Ханне в определенной мере повторяли судьбу моего поколения, были немецкой судьбой, которой я не мог избежать [17: 53].

2. Ich überlege mir oft, was der Dichter in diesem Augenblick gefühlt hat, da ihre wechselseitige Liebe ausgetragen wurde, als Stillgeburt [14: 88]. / Я часто размышляю, что почувствовал поэт в ту минуту, когда разрешилась их взаимная любовь – мертворождением [15: 70].

3. Eines Tages überwindet er sich, ..., erklärt ihr aufgeregt seine Liebe, ..., seine ewige Liebe, ... [14: 103]. / И однажды он пересилил себя, ..., открыл свою любовь, вечную любовь, ... [15: 82].

4. – Sie hat dem Firengi gegenüber mehr Liebe verspürt. – Liebe? Sie wissen nicht, wovon Sie reden. Ihre Liebe war immer nur vorgetäuschte Liebe. Falsche Liebe [14: 146]. / Она почувствовала в себе больше любви к Фиренги. – Любовь? Вы не знаете, о чем говорите. Ее любовь всегда была искусственной. Фальшивая любовь [15: 118].

5. Aber die Liebe zu den Eltern ist die einzige Liebe, für die man nicht verantwortlich ist [16: 162]. / Но любовь к родителям – это единственная любовь, за которую не несешь ответственности [17: 52].

6. – Gemeint ist die göttliche Liebe? [14: 149] / – Имеется в виду божественная любовь? [15: 120].

Приведенные примеры наглядно показывают, что положительные и отрицательные, эмоциональные, оценочные и экспрессивные коннотации – *wechselseitig*/взаимная, *ewig*/вечная, *vorgetäuscht*/искусственная, *falsch*/фальшивая, *einzig*/единственная, *göttlich*/божественная – характеризуют всю глубину и силу любви. Кроме того, эти примеры представляют когнитивно-пропозициональную структуру, включающую три составляющих: субъект любви (*der Dichter, ich, er, sie, man*) – предикат любви (личные формы глаголов *haben, sein, verspüren* в настоящем и прошедшем времени) – признаки любви, которые включают упомянутые выше коннотации.

На парадигматическом уровне можно наблюдать лексические парадигмы, когда образуются так называемые словообразовательные цепочки (*Liebe, Liebling, Geliebter, lieben, lieb, liebevoll, sich verlieben* / любовь, любимец, любовник, любить, любимый, влюбиться) и синонимические ряды, которые включают лексику, обозначающую эмоции и чувства (*lieben, lieb haben, mögen* / любить, нравиться). Такой вид парадигматических отношений называется оппозитивным, при котором наблюдается отношение между инвариантами – различными функциональными единицами одного уровня языка. Представляется необходимым показать это на примерах:

1. Sie durften niemanden lieben [14: 87]. / Им никого нельзя было любить [15: 70].

2. Du warst in sie verliebt, ich hätte es mir denken sollen [14: 89]. / Ты был в нее влюблен, я мог бы и сам догадаться [15: 71].

3. Er beschloß, sich mit der Geliebten zu vereinigen, auch wenn es nur für ein einziges Mal sein würde [14: 88]. / Он решил соединиться с возлюбленной, пусть на один-единственный раз [15: 70].

4. Das mochten die Mädchen [16: 64]. / Девочкам это нравилось [17: 22].

5. Ja, sie hatte Lieblinge, immer eine von den jungen, schwachen und zarten, ... [16: 112] / Да, у нее были любимицы, она всегда отбирала самых слабеньких, самых нежных, ... [17: 36].

6. Wenn sie Spannungen zwischen uns merkte, lief sie von einem zum anderen und versicherte, wir seien lieb und sie habe uns lieb [16: 165]. / Замечая наше взаимное охлаждение, она металась от матери ко мне, показывая, как любит нас, и желая удостовериться, что мы любим ее [17: 52].

Лексема *Hass* (ненависть) встречается значительно реже и, как правило, в противопоставлении или взаимосвязи с лексемой *Liebe* (любовь). Это связано, вероятно, прежде всего с тем, что само чувство ненависти не свойственно людям. Толкование семы *Hass* в немецких толковых словарях объединяет следующие значения: чувство антипатии, неприязни; злоба, враждебность; чувство ненависти и недоброжелательности; обида, мстительность; горечь, озлобленность [12: 665].

В русском языке дается похожая трактовка семы ненависть, которая определяется как чувство сильнейшей вражды и неприязни. Однако следует отметить, что лексема *Hass* (ненависть) в немецком языке носит более экспрессивный характер.

В ходе опроса 100 респондентов из разных культур нами было установлено, что большинство людей связывают чувство ненависти с войной, поскольку именно война направлена на уничтожение всего живого и светлого. Несколько респондентов убеждены, что чувство ненависти не может быть направлено на людей, так как это противоречит человеческой сущности.

В нашем исследовании лексема *Hass* (ненависть) репрезентирована как часть человеческой сущности и имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию, что сделало возможным отнести сему *Hass* (ненависть) к эмотивной лексике. Анализ художественных произведений показал, что лексема *Hass* (ненависть) (так же, как и *Liebe* (любовь)) служит созданию более точного и образного психологического портрета главных героев и эмоциональной интерпретации и оценки внутреннего мира автора художественного текста [19: 174].

В современной немецкой прозе представлены все трактовки семы Hass (ненависть), описанные толковыми словарями, что наглядно показано на следующих примерах:

1. Neid, Hass und Bosheit seien die Samen, die der Einheimische verstreue, wo er nur könne [14: 131]. / Зависть, ненависть и злость – вот семена, которые туземец сеет повсюду, где только может [15: 106].

2. Wenn er eine Schwäche hat, dieser neue Freund, dann ist es sein Hass auf die Angrezi [14: 191]. / Если у него и есть слабость, у этого нового друга, так это ненависть к ангреци [15: 155].

3. Wollen Sie sagen, dass es keinen Grund zum Hass gab und keinen Krieg? [14: 145] / Вы собирались сказать, что никаких причин для ненависти не было и что убивали не на войне? [15: 47]

В приведенных примерах видно, что сема Hass (ненависть) относится к так называемой экспрессивно-оценочной лексике, эмоциональная окраска которой определяется ее предметной направленностью, поскольку она обозначает негативные эмоции и настроения [20: 163-168]. Следует также отметить, что как субъектами, так и объектами ненависти выступают люди.

Для актуализации лексемы Hass (ненависть) в современной немецкой прозе используются прежде всего метафорические предикаты morden/убивать, schwelgen/упиваться, hervorbringen/прорываться, spüren/чувствовать, а также метафоры количества viel/много:

1. Dass man aus Leidenschaft mordet, aus Liebe oder Hass oder für Ehre oder Rache, verstehen Sie? [14: 145] / Вот когда убивают в порыве страсти, из любви, из ревности, из мести или защищая свою честь – это вам понятно? [15: 47]

2. Und er schwelgte in Ekel und Hass, und es sträubten sich seine Haare vor wohligen Entsetzen [21: 159]. / И он упивался отвращением и ненавистью, и у него вставали дыбом волосы от сладострастного ужаса [22: 53].

3. Und dann brach mit einem Mal mit orgasmischer Gewalt sein angestrauter Hass hervor [21: 159]. / И тогда вдруг накопленная ненависть с оргастической мощью прорывалась наружу [22: 53].

4. Hat er deinen Haß nicht gespürt? [14: 90] / Он чувствовал твою ненависть? [15: 70]

5. Ich höre Menschen mit viel Haß über die Briten sprechen [14: 95]. / Я слышу, люди говорят о британцах с большой ненавистью [15: 75].

С точки зрения парадигматики в современной немецкой литературе представлены оппозитивные парадигматические отношения, для которых характерно образование словообразовательных цепочек (hasserfüllt, gehässig, hassen, verhasst,

hassenswert/наполненный ненавистью, ненавидящий, ненавистный) и синонимических рядов (Hass, Ekel, Ekelhaftigkeit, Entsetzen, Abscheulichkeit/ненависть, отвращение, омерзение, мерзость), которые включают слова, объединенные общим исходным элементом значения:

1. Ich habe ihn nicht gehasst [14: 90]. / Нет, у меня не было ненависти [15: 72].

2. So abfällig, so hasserfüllt du über die Moslems sprichst [14: 127]. / Ты так пренебрежительно, с такой ненавистью говоришь о мусульманах [15: 103].

3. Er stand am Fenster, der alte Mann Baldini, und schaute mit gehässigem Blick gegen die schräg-stehende Sonne auf den Fluß hinaus [21: 76]. / Старик Бальдини стоял у окна и ненавидящим взглядом смотрел на реку под косыми лучами солнца [22: 25].

4. Nicht weil er sich fragte, woher der Bursche so genau Bescheid wusste, sondern einfach wegen der Namensnennung dieses verhaßten Parfums... [21: 93]. / Не потому, что он спросил себя, откуда этому парню все известно с такой точностью, но просто потому, что название ненавистных духов... [22: 31].

5. Es war «Amor und Psyche», ohne den geringsten Zweifel «Amor und Psyche», das hassenswert genial Duftgemisch ... [21: 109]. / Это были «Амур и Психея», без всякого сомнения «Амур и Психея», ненавистно гениальная смесь ароматов [22: 36].

6. So beschäftigt war Baldini mit seiner inneren Empörung und seinem Ekel vor der Zeit, das ser nicht begriff, was es bedeuten sollte, als Grenouille plötzlich sämtliche Flakons verstöpselte [21: 106]. / Бальдини был так занят своим возмущением и отвращением к эпохе безвременья, что не сразу сообразил, почему Гренуй вдруг заткнул все флаконы [22: 35].

7. Man vergaß mit einem Schlag die Ekelhaftigkeiten um sich her und fühlte sich so reich, so wohl, so frei, so gut... [21: 112] / Вы сразу забывали все омерзительное, что было вокруг, и чувствовали себя таким богатым, таким благополучным, таким хорошим... [22: 36]

8. Und er schwelgte in Ekel und Hass, und es sträubten sich seine Haare vor wohligen Entsetzen [21: 159] / И он упивался отвращением и ненавистью, и у него вставали дыбом волосы от сладострастного ужаса [22: 53].

Manchmal, wenn ihn dieser Aperitif der Abscheulichkeiten noch nicht genügend in Fahrt gebracht hatte, gestatete er sich auch einen kleinen geruchlichen Abstecher zu Grimal... [21: 159]. / Иногда этот аперитив мерзостей оказывался недостаточным, и, чтобы разогнаться, он позволял себе

небольшой обонятельный экскурс к Грималю... [22: 51].

Проведенный анализ произведений современной немецкой прозы позволяет сделать вывод о том, что лексемы Liebe (любовь) и Hass (ненависть), представляя собой бинарную оппозицию, имеют универсальные и специфические признаки. Следует также отметить, что лексемы Liebe (любовь) и Hass (ненависть) можно отнести к экспрессивно-оценочной лексике, поскольку они обладают эмоциональной и оценочной характеристиками. Эмоциональная окраска данных лексем определяется их предметной направленностью, поскольку они обозначают различные эмоции, переживания и настроения. Кроме того, лексемы Liebe (любовь) и Hass (ненависть) обозначают чувства, которые в зависимости от условий и ситуации могут вызывать различное отношение к ним.

1. Гумбольд В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
2. Вайсгербер Й.Л. Язык и философия. – М.: Вопросы языкознания, 1993. – №2
3. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
4. Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Едиторал УРСС, 2005. – 128 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 344 с.
6. Lützel P.M. Postmoderne und postkoloniale deutschsprachige Literatur: Diskurs – Analyse – Kritik. – Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2005. – 412 S.
7. Пименова М.В. Особенности употребления концепта «любовь» в английской паремиологии. – М., 2008. – 79 с.
8. Муратова В.Э. Бинарные концепты «любовь» и «ненависть» в английском и русском песенных дискурсах: сопоставительный аспект. – Казань: Институт истории АН РТ, 2008. – 22 с.
9. Хутова Э.Р. Бинарная оппозиция любовь/ненависть в разносистемных языках, лингвокультурологический аспект: на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков. – Нальчик, 2008. – 184 с.
10. Ильдарова А.И. Прилагательные со значением нравственной оценки человека в русском языке. – Махачкала, 2007. – 133 с.
11. Шарданова М.А. Эстетическая бинарная оппозиция прекрасное/безобразное в разносистемных языках (на материале русского, английского и кабардино-черкесского языков). – Нальчик, 2006. – 145 с.
12. Duden, deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: АСТ, 2009. – 1268 с.
14. Trojanow I. Der Weltensammler. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2010. – 527 S.
15. Троянов И. Собиратель миров. Пер. с нем. А.Чердниченко. – М.: Европейские издания, 2009. – 448 с.
16. Bernhard Schlink Der Vorleser. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1997. – 208 S.
17. Шлинк Б. Чтец. Пер. с нем. Б.Хлебников. – СПб: Азбука – классика, 2009. – 71 с.
18. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – Волгоград: Гнозис, 2008. – 416 с.
19. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. Практикум. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 496 с.
20. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 336 с.
21. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1985. – 320 S.
22. Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. Пер. с нем. Э.В.Венгерова – СПб: «Азбука-Классика», 2002. – 101 с.

REALIZATION OF THE BINARY OPPOSITION LIEBE (LOVE)/ HASS (HATRED) IN THE CONTEMPORARY LINGUISTIC WORLD IMAGE OF GERMAN ETHNOS

A.E.Rakhimova

The article studies the issues of interaction of the binary opposition 'Liebe' (love) and 'Hass' (hatred) in the works of contemporary German authors and their translations into the Russian language. The author explores the works of three German writers: *The Reader* by B.Schlink, *The Gatherer of the Worlds* by I.Trojanov and *The Perfumer* by P.Zuskind. The whole spectrum of semantic variations and connotations of the abovementioned lexical units is studied in the context of both the original language and its Russian translation. The analysis of the German material is enriched by comparing it with its Russian translation; the summary of different perceptions of both lexemes by the two ethnicities – the Germans and the Russians – is given.

Key words: lexeme, binary opposition, emotive lexis, connotations, paradigmatic relationships.

1. *Gumbol'd V.* Yazyk i filosofiya kul'tury. – M.: Progress, 1985. – 450 s.
2. *Vajsgerber J.L.* Yazyk i filosofiya. – M.: Voprosy yazykoznanija, 1993. - №2
3. Sepir E'. Yazyk. Vvedenie v izuchenie rechi. Izbrannye trudy po yazykoznaniju i kul'turologii. – M.: Progress, 1993. – 656 s.
4. *Kolshanskij G.V.* Ob"ektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. – M.: Editorial URSS, 2005. – 128 s.
5. *Ter-Minasova S.G.* Vojna i mir yazykov i kul'tur. – M.: Slovo, 2008. – 344 s.
6. *Lützeler P.M.* Postmoderne und postkoloniale deutschsprachige Literatur: Diskurs – Analyse – Kritik. – Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2005. – 412 S.
7. *Pimenova M.V.* Osobennosti upotrebleniya koncepta «lyubov'» v anglijskoj paremiologii. – M., 2008. – 79 s.
8. *Muratova V.E'*. Binarnye koncepty «lyubov'» i «nenavist'» v anglijskom i russkom pesennyx diskursax: sopostavitel'nyj aspekt. – Kazan': Institut istorii AN RT, 2008. – 22 s.
9. *Xutova E'.R.* Binarnaya oppozicija lyubov'/nenavist' v raznosistemnyx yazykax, lingvokul'turologičeskij aspekt: na materiale russkogo, anglijskogo i kabardino-čerchesskogo yazykov. – Nal'chik, 2008. – 184 s.
10. *Il'darova A.I.* Prilagatel'nye so znacheniem nravstvennoj ocenki čeloveka v russkom yazyke. – Maxachkala, 2007. – 133 s.
11. *Shardanova M.A.* E'stetičeskaya binarnaya oppozicija prekrasnoe/bezobraznoe v raznosistemnyx yazykax (na materiale russkogo, anglijskogo i kabardino-čerchesskogo yazykov). – Nal'chik, 2006. – 145 s.
12. Duden, deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
13. *Ushakov D.N.* Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M: AST, 2009. – 1268 s.
14. *Trojanow I.* Der Weltensammler. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2010. – 527 S.
15. *Troyanov I.* Sobiratel' mirov. Per. s nem. A. Cherednichenko. – M: Evropejskie izdaniya, 2009. – 448 s.
16. *Schlink B.* Der Vorleser. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1997. – 208 S.
17. *Shlink B.* Chtec. Per. s nem. B. Xlebnikov. – SPb: Azbuka –klassika, 2009. – 71 s.
18. *Shaxovskij V.I.* Lingvističeskaya teoriya e'mocij. – Volgograd: Gnozis, 2008. – 416 s.
19. *Babenko L.G.* Lingvističeskij analiz xudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika: Učebnik. Praktikum. – M.: Flinta; Nauka, 2003. – 496 s.
20. *Shmelev D.N.* Sovremennij russkij yazyk: Leksika – M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009. – 336 s.
21. *Süskind P.* Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1985. – 320 S.
22. *Zyuskind P.* Parfyumer. Istoriya odnogo ubijcy. Per. s nem. E'.V.Vengerova – SPb: «Azbuka-Klassika», 2002. – 101 s.

Рахимова Алина Эдуардовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

Rakhimova A.E. – Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor, Kazan Federal University

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: rahimovaalina@mail.ru

Поступила в редакцию 21.09.2013